

ЗАБАЙКАЛЬСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ.

Цѣна за годовое изданіе, съ доставкой и пересылкой, 6 руб. 50 коп.

Адресъ редакціи: домъ наследниковъ Я. И. Пономарева на углу Бульварной и Корейской улицъ.

За объявленія платится: за страницу въ первый разъ 10 руб., во второй и третій разъ по 2 руб. 50 коп., далѣе по 1 руб. 75 коп., за половину и четверть страницы въ соответственное число разъ меньше.

СОДЕРЖАНІЕ ОФИЦІАЛЬНОЙ ЧАСТИ:—Предложеніе Преосвященнѣйшаго Мееодія, Епископа Забайкальскаго и Нерчинскаго на имя Забайкальской Духовной Консисторіи, отъ 12 мая с. г. № 1552.—Объявленіе благодарности Епархіального Начальства. — Списокъ лицъ, кои оказали пожертвованія на обстановку вновь открываемой въ селѣ Олинскомъ церковно-приходской школы.—Исключеніе умершихъ изъ списковъ.

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.—Въ области народныхъ суевѣрій и повѣрій.—Нашимъ учителямъ и учительницамъ школъ грамоты.—Отчетъ о состояніи Забайкальской Духовной Миссіи за 1900 годъ.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

Предложеніе Преосвященнѣйшаго Мееодія, Епископа Забайкальскаго и Нерчинскаго на имя Забайкальской Духовной Консисторіи отъ 12 мая с. г. № 1552.

Назначая на время съ 20 августа сего года общепархіальный съѣздъ духовенства въ г. Читѣ, предлагаю Консисторіи по сему предмету сдѣлать зависящія распоряженія. Главными предметами занятій съѣзда могутъ быть:

1) обсужденіе смѣты по содержанію Забайкальскаго епархіальнаго женскаго училища на трехлѣтіе 1900—1902 года; 2) обсужденіе смѣты по содержанію Читинскаго духовнаго училища на тоже трехлѣтіе; 3) изысканіе средствъ на постройку зданія для духовнаго училища въ г. Читѣ; 4) распредѣленіе 25⁰/о сбора между церквами епархіи и 5) обсужденіе возбужденнаго Г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода по просьбѣ представителя г. Нерчинска вопроса о возможности открытія втораго духовнаго училища въ г. Нерчинскѣ. Ввидахъ сокращенія расходовъ на проѣздъ о. о. депутатовъ въ г. Читѣ, предлагается избрать по одному депутату не отъ каждаго благочинія, а отъ нѣсколькихъ благочиній, смотря по мѣстнымъ условіямъ.

(Подпис.) Епископъ Меодій.

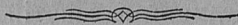
Объявленіе благодарности Епархіальнаго Начальства.

Крестьянинъ Алентуевскаго селенія Филиппъ Горюновъ пожертвовалъ на заведеніе колокола для Кумахтинской часовни 25 рублей.

На постройку часовни на берегу Шакшынскаго озера поступило пожертвованій отъ крестьянъ Биклемишевскаго селенія Іакова Андреева Васильева 48 рублей 34 к., Алексѣя Лаврентьева Сапунова 48 р. 33 к. Александра Лаврентьева Сапунова 48 р. 33 коп., иногородца Гавріила Моисеева Гамова 25 руб. и учителя Биклемишевской школы Дмитрія Яковлева Вахрушева 5 рублей.

Верхнеудинской дворянкою Александрой Анемподистой Труневой въ Читинскій Іоано-Предтеченскій монастырь пожертвовано священническое изъ бѣлой парчи-аплике облаченіе, а именно: фелонь, эпитрахиль, набедренникъ, поясъ и поручи, стоимостію въ 30 руб.

Означеннымъ жертвателямъ объявляется благодарность епархіальнаго начальства.

СПИСОКЪ

лицъ, кои оказали пожертвованія на обстановку вновь открываемой въ селѣ Олимскомъ церковно-приходской школы.

№№		Рубли.
1	Иларіонъ и Татіана Михайловы	70
2	Отъ Олинскаго приходскаго попечительства	100
3	Священникъ Леонидъ Знаменскій съ женою	17
4	Андрей и Анна Михайловы	60
5	Николай Артемьевъ Ивановъ	5
6	Михаиль Николаевъ Задворновъ	20
7	Иванъ Оомиль	1
8	Михаиль Кириловъ Быковъ	10
9	Петръ Филипповъ Батыревъ	10
10	Флоръ и Евѳимій Серебряковы	5
11	Павель Димитріевъ Конаковъ	15
12	Осипъ Осиповъ Осмолкинъ	1
13	Гавріиль Косминъ Савельевъ	1
14	Петръ Самойловъ	1
15	Артамонъ Дрокинъ	2
16	Михаиль Димитріевъ Конаковъ	20
17	Сергій Степановъ Алексѣевъ	2
18	Израиль Корбухъ	10
19	Петръ Ивановъ Михайловъ	3
20	Савва Петербургскій	1
21	Василій Никаноровъ Черемисовъ	1
22	Степанъ Косминъ Оомень	5
23	Филиппъ Силовъ Ивановъ	20
24	Макарій Степановъ	1
25	Иванъ Ивановъ Ханлобинъ	1
26	Никита Ивановъ	1
27	Иванъ Ивановъ Осколкинъ	1
28	Священническая вдова Параскева Писарева	3
29	Максимовъ и Бѣломѣстновъ	5
30	Ниль, Петръ и Георгій Оомины	16

31	Георгій Ивановъ Комогорцевъ	1
32	Андрей Зотиковъ Дрокинъ	1
33	Филиппъ Яковлевъ Дутовъ	1
В С Е Г О		411

Означеннымъ жертвователямъ объявляется благодар-
ность Епархіального училищнаго Совѣта.

Исключеніе умершихъ изъ списковъ.

Священникъ Верхнеудинскаго Одигитрѣвскаго Собора
Петръ Малышевъ 26 февраля с. г. въ 7 часовъ вечера
съ христіанскимъ напутствіемъ волею Божіею скончался.

6 апрѣля с. г., послѣ непродолжительной болѣзни,
скончался священникъ Шаргольской Иннокентіевской церк-
ви Θεодоръ Орловъ.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Въ области народныхъ суевѣрій и повѣрій.

Въ области религіозно-нравственной и бытовой жизни
народа, не рѣдко встрѣчаются своеобразныя воззрѣнія на
окружающія явленія и факты; младенческой умъ его пы-
тается найти между ними причинную связь, но при от-
сутствіи образованія и свѣта науки, представленія эти
часто носятъ печать жалкаго и грубаго заблужденія и суе-
вѣрнаго страха. Такъ напримѣръ, суевѣрный человекъ
убѣжденъ, что если на крышу дома сядетъ коршунъ или
филинъ, то въ томъ домѣ непременно будетъ покойникъ;
поэтому, замѣтивъ надъ своимъ домомъ летающаго коршу-
на, онъ, чтобы предупредить опасность, кричитъ и (вверхъ)
бросаетъ камни. Точно также представленіе о смерти въ
умѣ его соединяется съ тремя зажженными свѣчами.

Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ этого страннаго предразсудка въ семьѣ одного городского старожилы, въ домѣ котораго я остановился ночевать. Вечеромъ, во время ужина, въ столовой горѣло двѣ свѣчи, а третья стояла не зажженою; я, ничего не подозрѣвая, лишь только затеплилъ послѣднюю, какъ хозяйка дома съ большею тревогою поспѣшила тотчасъ-же погасить ее. Интересуясь причиною ея страха я просилъ ее откровенно разсказать о томъ и вотъ что услышалъ: „годъ тому назадъ, на канунѣ смерти любимой мною сестры на столѣ горѣли три свѣчи и что-же вы думаете? на мою бѣду сестра вскорѣ послѣ этого умерла. Съ той поры я не могу видѣть три зажженныя свѣчи безъ того, чтобы не бояться“. Въ селѣ Покровскомъ Ильинскаго прихода мѣстные крестьяне никакъ не рѣшаются обратно взять съ сельскаго кладбища тѣ палки, на которыхъ они по заведенному обычаю несутъ своихъ покойниковъ, такъ-какъ по убѣжденію ихъ брать съ кладбища обратно домой палки—значить наворожить новаго покойника. Въ нѣкоторыхъ домахъ крестьянъ встрѣчаются на „божницѣ“ небольшія кипарисныя иконы, которымъ приписывается цѣлебное свойство при болѣзняхъ дѣтей. Скобленное съ иконы дерево заваривается въ чайникѣ на горячей водѣ и настоемъ поятъ больнаго ребенка въ томъ убѣжденіи, что дитя проспится и будетъ здоровъ, если-же суждено ему умереть, то въ предсмертной агоніи оно не будетъ долго мучиться. Народъ вѣритъ, что въ домѣ водится нечистая сила—„сосѣдка“; если послѣдняя полюбитъ человѣка, то будетъ заплетать ему косу, а у лошадей—гриву, такъ что суевѣрный человѣкъ, принимая склоченныя волосы за доказательство любви, ни за что не рѣшается остричь ихъ. Я зналъ одного казака Акшинской станицы Агафона, который, по своей неопытности имѣя косматыя волосы, искренно вѣрилъ, что „сосѣдка“, любя его, заплела ему на затылкѣ косу; какъ не убѣждали его остричь послѣднюю—не соглашался, боясь потерять изъ рукъ даровое счастье.

Любимая „сосѣдкою“ лошадь всегда бываетъ сыта и здорова,—напротивъ нелюбимаго коня преслѣдуетъ по ночамъ, такъ что хозяинъ, приходя во дворъ, каждое утро находитъ ее мокрою, потною и вымученною. Часто въ порывѣ гнѣва и досады на своихъ дѣтей неразумныя матери проклинаютъ ихъ, говоря: „уведи тебя, лѣшій!“ „чтобы тебя не видали мои глаза!“... и нерѣдко, по воззрѣнію крестьянъ безумныя слова ихъ исполняются: проклятыя дѣти неизвѣстно куда исчезаютъ. Жестокое обращеніе дѣтей съ родителями также не остается безъ должнаго наказанія. Есть мѣстная легенда о томъ, какъ изъ пасхальнаго сыра выползла змѣя и обвилась вокругъ шеи непочтительнаго къ матери сына и какъ видимая кара Божія, змѣя висѣла, не дѣлая впрочемъ вреда, до тѣхъ поръ, пока грѣхъ противъ матери не былъ искупленъ чистосердечнымъ покаянiемъ и молитвою передъ чудотворнымъ образомъ Божіей Матери—Споручницы грѣшныхъ, находящейся въ Кяхтѣ. Если здоровый человѣкъ, повидимому, безъ причины вдругъ дѣлается больнымъ, то народъ приписываетъ это порчѣ, которая состоитъ въ томъ, что въ пищу намѣченной жертвы высыпается приготовленный изъ высушенныхъ лягушекъ или змѣй мелкій порошокъ, вслѣдствіе чего во внутренностяхъ испорченнаго вновь зарождаются лягушки, причиняющія тяжкое страданіе и смерть. Изъ того дома, гдѣ окажется испорченный, семейные обращаются за совѣтомъ и помощію къ „ворожеямъ“, которыя только за большія деньги соглашаются открыть имъ того, кто напустилъ на больного порчу. Какъ на жертву подобнаго суевѣрія и шарлатанства я въ примѣръ приведу крестьянку Чижеву, мужъ которой по ея словамъ, былъ испорченъ замужнею женщиною Черепановой, такъ какъ на ее именно указала проживающая на Березовкѣ въ 5 верстахъ отъ Верхнеудинска бурятка, къ которой Васса Чижева ѣздила ворожить. Съ этого времени она совѣршенно возненавидѣла Черепанову, съ которою прежде Васса находилась въ ссорѣ и теперь толь-

ко выжидала удобнаго случая чѣмъ либо отомстить мнимой виновницѣ своего несчастія. Случай этотъ вскорѣ представился. Одинъ разъ весною минувшаго года Васса вмѣстѣ съ матерью подкараулила Черепанову въ то время, когда послѣдняя проходила мимо дома ея; среди площади они стали оскорблять и поносить ее за порчу мужа. Я было заступился за обиженную и сталъ уговаривать, просить и доказывать всю неосновательность ихъ подозрѣній, однако все было напрасно. Безумная вдова въ припадкѣ злобы и гнѣва только кричала: „ей нужно брюхо распороть!“... застрѣлить “колдунью“!.. Потерявъ всякую надежду уговорить иступленную женщину, я долженъ былъ удалиться, скорбя о безуміи и невѣжествѣ Чижевой. Такимъ-то образомъ грубый обманъ — съ одной стороны и жалкое заблужденіе — съ другой — бывають причиною многихъ печальныхъ явленій и нестроеній въ личной и семейной жизни крестьянъ. При бракахъ существуетъ въ народѣ повѣріе, что если кто изъ новобрачныхъ во время вѣнчанія первымъ станетъ на „подножку“ платка, тотъ будетъ первенствовать и повелѣвать другимъ. При крещеніи деревенская бабка замѣчая, — плаваетъ-ли воскъ съ волосами новорожденнаго поверхъ воды или тонетъ, — заключаетъ о долготѣней жизни или скорой смерти его. При многочисленности, разнообразіи и живучести по деревнямъ суевѣрій и предрасудковъ трудно вообще приходскому священнику однимъ словомъ убѣжденія бороться съ ними. Можно надѣяться, что съ распространеніемъ всеобщей грамотности на началахъ христіанскаго ученія дикія суевѣрія постепенно исчезнуть. Но пока въ ожиданіи этого благоприятнаго времени для просвѣщенія населенія по окраинамъ Россіи, полѣзно обратиться къ нагляднымъ примѣрамъ, которыми простые люди скорѣе убѣждаются въ неправильности и пагубности своихъ взглядовъ на многія предметы и явленія изъ области міра духовнаго и физическаго. Такимъ путемъ нагляднаго опыта одному приходскому священнику посчаст-

ливилось убѣдить своихъ прихожанъ оставить суетный страхъ предъ „заломомъ“. Когда всѣ словесныя доказательства мало были дѣйствительны противъ суевѣрныхъ понятій прихожанъ—передавалъ почтенный пастырь,—„я во время жатвенной поры, при участіи нѣкоторыхъ свидѣтелей изъ крестьянъ, давшихъ слово до времени молчать и никому не говорить, на полѣ одного прихожанина устроилъ „заломъ“, оставивъ это мѣсто не сжатымъ. Вѣсть о несчастіи сосѣда разнеслась по деревнѣ. Желая какъ-бы помочь горю крестьянина я вызвался снять заломъ; предложеніе было принято съ радостью и благодарнымъ чувствомъ; и вотъ въ присутствіи самого владѣльца поля, свидѣтелей и др. прихожанъ „заломъ“ былъ снятъ на удивленіе послѣднихъ. Наглядный опытъ съ „заломомъ“ лучше всякихъ словъ способствовалъ искорененію существующаго въ приходѣ пагубнаго предрасудка и ложнаго страха предъ воображаемымъ призракомъ“. То-же благопріятное дѣйствіе нагляднаго примѣра на умы крещеныхъ инородцевъ наблюдалось мною въ Анинскомъ миссіонерскомъ станѣ, гдѣ я по просьбѣ директора Читинскаго областного музея, розыскивалъ въ окрестностяхъ стана предметы шаманскаго и буддійскаго религіознаго культа. Въ одномъ мѣстѣ мнѣ посчастливилось найти котлы, моржаны и желѣзный оставъ шаманской одежды. Собранныя коллекція доставлена была на телѣгѣ въ станъ, гдѣ на площади въ праздничный день собрались инородцы, которые вообще боятся брать всякую шаманскую вещь изъ боязни потерпѣть несчастіе или даже смерть. Узнавъ, что въ телѣгѣ находятся шамаяскія вещи они въ суевѣрномъ страхѣ не смѣли подойти къ нимъ, при этомъ предсказывали мнѣ болѣзни и смерть, но время шло, а я по прежнему оставался живъ—здоровъ. Между тѣмъ и крещеные инородцы на дѣлѣ увидѣли сушность своей вѣры въ могущество шаманскихъ предметовъ, а грамотная молодежь участвовала со мною въ розыскѣ шаманскихъ рѣдкостей, не боясь получить чрезъ это какого-либо вреда.

Священникъ *Н. Виноградовъ.*

Нашимъ учителямъ и учительницамъ школъ грамоты.

(Продолженіе).

II. Объ ученикѣ.

Школьникъ, ученикъ, дитя, ребенокъ—это не пустыя незначительныя слова, нѣтъ. Самъ Спаситель на вопросъ учениковъ, кто больше въ Царствіи Небесномъ, отвѣтилъ— „Если не обратитесь и не будете какъ дѣти, не войдете въ Царство Небесное; итакъ, кто умалится какъ это дитя, тотъ и больше въ Царствѣ Небесномъ; и кто приметъ одно такое дитя, во имя Мое, тотъ Меня принимаетъ, а кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, впрущающихъ въ Меня, тому лучше было-бы, если-бы повѣсили ему мельничный жерновъ на шею и потопили его въ глубинѣ морской“. (Мѣ. XVIII, 3—6); и въ другой разъ, когда ученики Его отстраняли было дѣтей отъ Него, Иисусъ Христосъ сказалъ: „Пустите дѣтей приходить ко Мнѣ и не препятствуйте имъ, ибо таковыхъ есть Царствіе Божіе; истинно говорю вамъ: кто не приметъ Царствія Божія какъ дитя, тотъ не войдетъ въ него“. (Мр. X, 14—15). Къ приведеннымъ словамъ Спасителя прибавлять нечего—въ нихъ сказано все, дабы мы рѣшились относиться къ дѣтямъ какъ можно серьезно и прилагали бы всѣ мѣры къ христіанскому воспитанію ихъ.

Святая церковь православная поэтому, какъ истинная мать, при самомъ рожденіи дитяти молитвою за роженницу и принимаетъ уже его подъ свое покровительство; затѣмъ въ таинствѣ крещенія возрождаетъ дитя духовно, даетъ ребенку невидимаго ангела-хранителя и видимыхъ руководителей (воспріемниковъ); потомъ, духовно укрѣпивъ въ таинствѣ мѣропомазанія и питая духовною пищею Св. Таинъ Христовыхъ, ввѣряетъ дитя попеченію родителей по плоти—отцу и матери—и духовныхъ родителей—крестному отцу и крестной матери.

Такимъ образомъ, уже семья полагаетъ основаніе

христіанскому воспитанію ребенка. Какъ только дитя начнетъ понимать, дома, въ христіанскомъ семействѣ, ему показываютъ икону, носятъ въ церковь къ богослуженію, а когда дитя подростетъ, научаютъ молиться Богу, позволяютъ въ церкви подавать деньги при сборѣ, ставить свѣчи предъ иконами, подавать милостыню бѣднымъ и т. п. Однимъ словомъ.—дома воспитываютъ въ ребенкѣ религіозныя наклонности, хорошіе навыки и добрые порывы. Впрочемъ, нерѣдко встрѣчается у насъ въ крестьянской семьѣ и такого рода нежелательное явленіе, когда священникомъ, церковью и т. п. пугаютъ плачущихъ дѣтей: съ этимъ учителю или учительницѣ, разумѣется, нужно бороться и уничтожать въ народѣ эту нехорошую привычку.

Съ 7-ми лѣтъ Св. Церковь признаетъ дитя уже отвѣтственнымъ за свои поступки и призываетъ его на исповѣдь. Съ этого-же времени ребенокъ можетъ начинать и учебѣ; но чтобы окрѣпли его душевныя и тѣлесныя силы, учебѣ начинаютъ позднѣе—съ 9-го или 10-го года.

Прежде, чѣмъ воспитывать приведенное въ школу малолѣтнее дитя, учителю или учительницѣ необходимо знать дѣтскую душу, надо имѣть свѣдѣнія по психологіи вообще и дѣтской психологіи въ частности. Къ самому краткому указанію основныхъ психологическихъ свѣдѣній, необходимыхъ въ дѣлѣ воспитанія, мы и перейдемъ сейчасъ.

1., *Свѣдѣнія по психологіи.* Души человѣка мы не видимъ и можемъ судить объ ней только по своей жизни и по внѣшней жизни другихъ. по ихъ поступкамъ и дѣйствіямъ. Дабы знать духовную жизнь человѣка, мы поэтому и должны усиленно наблюдать за своей собственной жизнью, за жизнью другихъ и, сверхъ того, должны стараться узнать, что наблюдали и что знаютъ о духовной жизни человѣка другіе (читать и слушать объ этомъ сообщенія другихъ).

Мы глазами видимъ, ушами—слышимъ, носомъ обоняемъ запахъ, языкомъ узнаемъ вкусъ чего нибудь, и осязаемъ пальцами и нѣкоторыми другими частями тѣла (напр.

кончикомъ языка, носа, губами и др.); здѣсь мы имѣемъ дѣло съ внѣшними, тѣлесными предметами. *Зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ и осязаніе* поэтому и называются внѣшними чувствами человѣка, а глаза, уши, носъ, ротъ съ языкомъ и щупальцы называются органами (орудіемъ) этихъ пяти внѣшнихъ чувствъ. Сверхъ того, указываютъ еще на мускульное чувство, по которому мы узнаемъ напр., вѣсъ тѣла или чувствуемъ тяжесть его (мускулы находятся почти во всѣхъ частяхъ человѣческаго тѣла); и еще обыкновенно отличаютъ внѣшнюю чувствительность общую—чувство голода, холода, боли, удушья и т. п.

Отъ органовъ внѣшнихъ чувствъ и отъ поверхности тѣла къ головному мозгу идутъ нервы (очень чувствительныя тѣлесныя нити). Нервы отъ внѣшнихъ предметовъ раздражаются на своихъ концахъ около органовъ внѣшнихъ чувствъ, или внутри, не на концахъ при общей чувствительности, и затѣмъ въ томъ и другомъ случаѣ передаютъ раздраженіе головному мозгу. Здѣсь, въ головномъ мозгѣ, внѣшнія и внутреннія раздраженія нервовъ, переходятъ въ явленіе уже духовной жизни—сознаются или, что тоже, замѣчаются душою, отпечатлеваются въ ней и называются именемъ того предмета, который вызвалъ раздраженіе нервовъ, —напр., сахаръ, дѣйствуя на глазныя нервы, сознается нами какъ предметъ *блѣдный*, дѣйствуя на вкусовыя нервы, сознается какъ предметъ *сладкій*, раздражая нервы осязанія, сознается, какъ твердый съ шероховатою поверхностію предметъ. Это сознаніе внѣшнихъ предметовъ и называется *ощущеніемъ*.

Изъ внѣшнихъ чувствъ зрѣніе и слухъ для развитія человѣка всего важнѣе и потому они считаются высшими чувствами, а осязаніе, обоняніе и вкусъ равно какъ и мускульное чувство и общая чувствительность считаются чувствами низшими. Учителю начальной школы поэтому и слѣдуетъ заботиться о развитіи всѣхъ указанныхъ внѣшнихъ чувствъ, но особенное вниманіе слѣдуетъ обращать на развитіе высшихъ чувствъ—зрѣнія и слуха.

Для развитія *зрѣнія* прежде всего нужно оберегать глаза, а для этого удалять ихъ отъ всего, что можетъ вредить зрѣнію, какъ-то — избѣгать пыли, дыма, сильнаго или дрожащаго свѣта, работать при слабомъ свѣтѣ (напр. сумеркахъ) необходимо заботиться о чистотѣ и промывкѣ глазъ, смотрѣть на предметы не очень близко (во избѣжаніе близорукости) и т. п. Затѣмъ, слѣдуетъ упражнять глаза дѣтей на разсматриваніи предметовъ разноцвѣтныхъ или рѣзко окрашенныхъ (для различенія цвѣтовъ), предметовъ разныхъ формъ, чтобы пріобрѣсть умѣнье видѣть въ вещахъ всѣ подробности; потомъ слѣдуетъ учить красиво писать, рисовать и т. д.

Въ уходѣ за *ухомъ* не слѣдуетъ прежде всего долго держать голову наклонно (во избѣжаніе приливовъ крови къ головѣ), стоять подъ звонящимъ колоколомъ; слѣдуетъ стараться, чтобы въ ухо не попадала грязь или вода (напр. при купаньи), чтобы не дуло въ уши (напр. вѣтеръ) и т. п. Для развитія же слуха необходимо научать дѣтей различать голоса, звуки и тоны человѣческой рѣчи, слушать выразительную рѣчь и самому говорить выразительно, пѣть и слушать пѣніе, играть на музыкальныхъ инструментахъ и т. д.

При помощи зрѣнія мы можемъ сами видѣть и разсматривать предметы своими глазами, а также читать полезныя книги. При помощи слуха мы можемъ изъ рѣчи другихъ старшихъ или болѣе умныхъ людей слышать то, чего не можемъ знать сами безъ разъясненій. Въ этомъ главнымъ образомъ заключается преимущественное значеніе зрѣнія и слуха. Для умственнаго и вообще духовнаго развитія отчасти имѣетъ значеніе еще осязаніе и мускульное чувство; что касается вкуса и обонянія, то они имѣютъ больше значенія для тѣла, чѣмъ для души.

Теперь вопросъ—какъ-же раздраженіе нервовъ переходитъ въ сознаніе, т. е., въ явленіе уже духовной жизни? Никакое внешнее раздраженіе не можетъ дойти до со-

знанія, если на него не будетъ обращено *вниманіе*. Вниманіе и есть сосредоточеніе души на чемъ нибудь, что нами можетъ быть создано: оно (вниманіе) какъ будто дверь въ сознаніе, чрезъ которую, что не пройдетъ, то и не будетъ сознано нами. Но какъ именно чрезъ вниманіе происходитъ переходъ внѣшнихъ тѣлесныхъ явленій (раздраженіе) въ духовныя—сказать трудно: душа все таки остается загадкою для человѣка.

Обращать вниманіе можно невольно и по своему желанію—одно дѣло, напр., видѣть, а другое—смотреть, и разсматривать, одно слышать, а другое—слушать, и т. п. Изъ этихъ двухъ видовъ вниманія—невольнаго и по желанію,—конечно, вниманіе втораго рода важнѣе и его то желательнѣе развивать въ дѣтяхъ.

У маленькихъ дѣтей развивается сначала вниманіе перваго рода—недѣятельное: что попало на глаза, то и заняло его вниманіе. Но если вниманіе ребенка будетъ занято исключительно только подвернувшимся случайно предметами, то это будетъ развивать въ немъ разсѣянность. А чтобы развить въ ученикѣ вниманіе дѣятельное, вниманіе по желанію, учителю или учительницѣ необходимо развивать въ дѣтяхъ внѣшнія чувства (см. выше) и не давать вниманію ребенка, такъ сказать, скользить по разсматриваемымъ предметамъ, не утомлять вниманіе непосильной работой. Для этого же нужно—1., не показывать дѣтямъ сразу много предметовъ, не знакомить со многимъ и не вызывать чрезъ утомленіе въ дѣтяхъ невнимательности; 2., не нужно показывать сразу очень разнообразныя предметы, дабы, какъ говорится, у дѣтей не „разбѣжались глаза“ и не привыкли бы они довольствоваться поверхностнымъ вниманіемъ; 3., при объясненіяхъ и занятіяхъ съ дѣтьми слѣдуетъ сообразоваться съ дѣтскими силами—каждый разъ показывать или разяснять только то, что понять они въ силахъ, къ чему уже приготовлены ранѣе, и затѣмъ разяснять и показывать такъ, чтобы у

дѣтей не пропадалъ интересъ,—т. е. нужно занятія вести постепенно и живо.

Ощущеніе можетъ продолжаться только пока есть раздраженіе; а какъ только удалить предметъ, вызвавшій раздраженіе, то ощущеніе прекращается, уходитъ изъ сознанія и переходитъ въ такъ назыв. *память*—запоминается. Потомъ-же это, находящееся въ памяти, можетъ быть или снова вызвано въ сознаніе (вспоминается), или же не можетъ быть вызвано изъ памяти (вовсе забывается).

Одни обыкновенно забываютъ легко, но не на долго, другіе трудно и также не на долго, третьи—трудно и на долго, наконецъ, четвертые—легко и на долго. Кромѣ того въ памяти могутъ быть еще особенности: одни лучше запоминаютъ только имена, другіе—только годы, третьи—только событія и т. д.

Память можно развивать и развиваться она должна всесторонне. Учителю и необходимо заботиться, чтобы ученики могли запоминать по возможности одинаково и все и легко и надолго и вспоминали бы скоро. Впрочемъ всесторонне развитая память—явленіе очень рѣдкое.

Чтобы научить дѣтей легко и на долго запоминать учителю необходимо—1., упражнять въ дѣтяхъ память сознательную, а для этого давать заучивать больше хорошо разъясненныхъ статей и стихотвореній и чаще ихъ припоминать; 2., при запоминаніи давать дѣтямъ больше ощущеній, напр., заучивая прочитанную и хорошо объясненную въ классѣ статью, необходимо читать ее по книгѣ (зрит. оц.), читать въ слухъ (слух. оц.), писать наизусть (снова зрит. оц.) и т. д.; и 3., шире пользоваться наглядностію, чтобы запомнить свѣдѣнія, напр., о зайцѣ, можно о зайцѣ читать статью, при этомъ хорошо было бы разсматривать живаго зайца, его чучело или картину съ зайцемъ,—и тогда всѣ полученныя свѣдѣнія о разсмотрѣнномъ предметѣ запомнятся крѣпко. Затѣмъ, чтобы легче было вспоминать, при самомъ-же запоминаніи, необходимо

обращать вниманіе на сосѣдніе, окружающіе предметы, на то, что въ одно время или ранѣе или позднѣе происходило, или нужно сравнивать запоминаемое съ чѣмъ либо ранѣе уже извѣстнымъ, съ предметами однородными, или съ предметами совершенно противоположнаго характера. Потомъ, припомнивъ одно, легко припомнить и другое, что нужно вспомнить.

Такъ какъ память ребенка 7—15 лѣтъ самая свѣжая, то и слѣдуетъ пользоваться этимъ временемъ для развитія ея. Юноша или взрослая дѣвица уже не столько запоминаютъ, сколько обсуждаютъ все извѣстное; взрослый человѣкъ больше примѣняетъ уже знанія, пріобрѣтенныя въ дѣтствѣ и юности, къ общественной жизни; подъ старость же память чаще всего слабѣетъ.

Бывшія ощущенія, вспомнившись и снова войдя въ сознаніе, будутъ уже не ощущеніями (при нихъ не будетъ нервнаго раздраженія), а будутъ они уже *представленіями*: въ церкви я вижу и слышу богослуженіе (ощущаю), придя же домой, я могу только представлять то, что видѣлъ и слышалъ.

(Продолженіе будетъ).

Отчетъ о состояніи Забайкальской Духовной Миссіи.

(Продолженіе).

А что дѣло миссіонера въ Забайкальской епархіи не легко, это всякій пойметъ, если только немного присмотрѣться къ нему. Что не рѣдко приходится миссіонеру испытывать при исполненіи своего долга, объ этомъ лучше всего скажутъ ихъ отчеты и главнымъ образомъ ихъ миссіонерскіе записки и дневники. Сказать, что обязанности миссіонера въ отчетномъ году заключались въ совершеніи богослуженія, исправленіи требъ, занятіяхъ въ школь и въ поѣздкахъ съ проповѣднической миссіонерскою цѣлію повторяемъ, сказать очень легко, но не такъ легко выполнить все это на дѣлѣ.

Принимая во вниманіе гористое мѣстоположеніе епархіи со всѣми климатическими неожиданностями и рѣдкое, при томъ полукочевое, населеніе страны, можно прежде всего судить о томъ, съ какими путевыми удобствами придется считаться всякому миссіонеру сразу же по выходѣ изъ дома. „Въ первую поѣздку я убѣдился, говорить въ своемъ миссіонерскомъ отчетѣ священникъ миссіонеръ Цоганъ-Усунскаго стана о. А. Солдатовъ, что ѣздить по району на междудворныхъ и обывательскихъ лошадяхъ съ проповѣдью по улусамъ невозможно, при настоящей постановкѣ дѣла, когда мѣстные власти не оказываютъ содѣйствія для сбора одноулусниковъ въ одно мѣсто; тогда, само собой разумѣется, что ямщикъ не будетъ васъ возить отъ юрты къ юртѣ и ждать пока побесѣдуютъ тамъ; такъ что мнѣ изъ перваго же улуса пришлось возвратиться и нанять протяжнаго ямщика отъ стана до крайняго улуса на разстояніи 200 верстъ впередъ и обратно, за 30 рублей“. Непосредственно затѣмъ о. Солдатовъ, продолжая изображать невзгоды миссіонера въ поѣздкахъ, говорить: „Теперь миссіонеры уже обставлены не такъ, какъ это было 20 лѣтъ тому назадъ, а именно: раньше всѣ полицейскія власти оказывали громадное содѣйствіе миссіонерамъ: миссіонеръ почти всегда ѣздилъ совмѣстно съ земскимъ засѣдателемъ, который заботился о сборѣ бурятъ въ одно мѣсто для бесѣды; въ присутствіи чиновника полиціи задержки въ лошадяхъ обыкновенно не встрѣчалось, а также въ отводѣ кваргиры и проч.,. Теперь же миссіонеру за частую приходится почевать подъ открытымъ небомъ. Уравненіе ламайскаго духовенства съ православнѣмъ еще болѣе возвысило ламъ въ глазахъ бурятъ; теперь ламы ни чѣмъ не стѣсняются свободно развѣзжаютъ когда и куда хотятъ на обывательскихъ лошадяхъ, а нѣкоторые даже безъ платежа прогоновъ какъ напр., былъ случай, когда въ прошлое лѣто проѣзжалъ какой-то (кажется не штатный) лама завѣдывающій Читинскимъ дацаномъ для сбора пожертвованій; но этотъ былъ снабженъ открытымъ предписаніемъ на право взиманія лошадей безъ прогоновъ и еще какой-то бумагой объ оказаніи ему содѣйствія для безпрепятственнаго проѣзда по Забайкалью;

но что всего обиднѣе, такъ это то, что лама этотъ имѣлъ нахальство предложить мнѣ записать что либо въ его сборную книжку (пожертвовать). Теперь проведемъ параллель, заключаетъ о. Солдатовъ, мажду ламами и миссіонеромъ, и оказывается при этомъ, что одни ѣдутъ куда угодно безъ приговоровъ, снабжаются разными документами для свободнаго проѣзда, а другіе за прогоны едва могутъ достать лошадей, да и то не вездѣ и не безъ пререканій со стороны мѣстныхъ властей. (Отч. о. Солдатова за 1900 г. стр. 2—3).

Въ виду означенныхъ неудобствъ о. Солдатовъ счелъ за лучшее нанять протяжнаго ямщика; другіе же миссіонеры, очевидно, на основаніи опыта, находятъ болѣе выгоднымъ и практичнымъ держать для этого своихъ лошадей. Однако имѣя и своихъ лошадей, миссіонеру приходится не мало считаться еще и съ географическими и климатическими условіями—ѣздить въ экипажѣ, верхомъ, ходить пѣшкомъ и даже хуже, особенно на сѣверѣ. Въ отчетѣ за 1900 годъ о. сотрудникъ миссіонеръ священникъ Никандръ Титовъ говоритъ напр., слѣдующее: „Сообщеніе съ ороченами (мѣстное названіе тунгусовъ) весьма трудное: лѣтомъ рѣки, горы, скалы, болота и тайга дѣлають путь въ многія тайги невозможнымъ. Зимую же, въ нѣкоторыя тайги по рѣкамъ можно ѣздить на саниахъ, но не безъ затрудненій при глубокихъ снѣгахъ. Самою выгодною ѣздою по тайгамъ признается верховая, которая очень изнурительная какъ для путешественниковъ, такъ и лошадей. Случается, что отъ глубокихъ снѣговъ лошади подъ тяжестью падаютъ и ѣздокъ долженъ также брести по снѣгу въ тяжелой зимней одеждѣ... Холода бываютъ весьма сильные, а ночлегъ приходится имѣть подъ открытымъ небомъ, лошадей кормить вѣтшоью (травою засохшею на корнѣ“. (Отч. Н. Титова за 1900 г. стр. 1).

Но и этого мало, чтобы изобразить вполнѣ все неудобства пути Забайкальскаго миссіонера (особ. изъ сѣверныхъ становъ). Въ одну изъ своихъ поѣздокъ миссіонеру Курумхану-Гаргинскаго стана священнику Мих. Бѣлоногову пришлось отыскивать семейство орочена, въ которомъ онъ долженъ былъ окрестить

троихъ дѣтей. Вотъ какъ сообщаетъ о. Михайлъ: „Прѣхавъ въ улусъ Маринту, мы остановились у крещенаго инородца Ильи Бадмаева. Я спросилъ, здѣсь-ли нужны мнѣ (такіе-то) ороченны; Илья сообщилъ, что они дня два или три тому назадъ еще были по ту сторону Гарги въ хребтахъ, но сейчасъ онъ не знаетъ здѣсь они или нѣтъ. Не разсѣдывая лошадей и только напившись чаю, мы во главѣ съ Ильей отправились въ хребетъ къ ороченамъ. Переправившись чрезъ рѣчки Маринту и Гаргу, послѣднюю чуть чуть не вплавъ, мы дѣйствительно нашли то мѣсто, гдѣ стояли ороченны, но самихъ ороченъ не оказалось. Илья вызвался однако найти ихъ и мы, легкомысленно повѣривъ ему, согласились ѣхать. Нужно сказать, что мы съ псаломщикомъ (переводчикъ) кромѣ сумы съ церковными принадлежностями и коlobberка чернаго хлѣба (въ гостинецъ ороченамъ) ничего не взяли. Пока ѣздили по склону хребтовъ и когда выѣзжали на открытыя мѣста, откуда былъ виденъ улусъ Маринту, было весело на душе, но какъ очутились въ тайгѣ и въ глуши, становилось жутковато, ибо разговоръ никакихъ небыло, приходилось ѣхать гусемъ и только было одно развлеченіе, это разговоръ съ лошадью и понуканія ея. Къ полудню желудокъ сталъ давать знать о своихъ требованіяхъ и вотъ я у переправы одной горной рѣчки рѣшился сдѣлать привалъ и пожертвовать гостинцами ороченъ для своихъ желудковъ, оставилъ имъ всетаки половину (на всякій случай). Изъ разговоровъ съ Ильей тутъ я догадался, что онъ не знаетъ гдѣ ороченны, и потому, только если онъ не сбился еще съ дороги, я рѣшился окончательно вернуться обратно. Потребовалось еще разъ передъ вечеромъ сдѣлать привалъ и пожертвовать теперь уже остальными гостинцами ороченъ, запивая ихъ холодной ключевой водой. Прокружившись въ хребтахъ до вечера, мы кое какъ выѣхали на Гаргу, но тутъ предстояла новая трудность, какъ найти бродъ. Илья полагаалъ что бродъ внизу по теченію рѣчки и мы впотьмахъ отправились за Ильей искать бродъ, пробираясь кое какъ по чащѣ. Наконецъ, Илья объявилъ, что бродъ онъ нашелъ и мы благословясь отправились—Илья впередъ, я за нимъ, а за мною

псаломщикъ. Вода доходила до полубоковъ лошади; на срединѣ рѣки я вдругъ услышалъ за собою неистовый крикъ псаломщика и, оглянувшись увидѣлъ, что онъ по грудь въ водѣ. Остановиться и поворачивать лошадей не приходилось, такъ какъ Гарга очень быстра и кромѣ того въ ней есть очень большія камни; задѣвъ за камень, могъ упасть и другой конь съ сѣдокомъ, а потому мы скорѣе старались добраться до берега, крича между прочимъ псаломщику, чтобы онъ отпустилъ поводъ коня и держался бы за хвостъ, что тотъ и сдѣлалъ. Какъ только мы выѣхали на берегъ, Илья соскочивъ въ воду, поймалъ псаломщикова коня и вывелъ на берегъ. До улуса оставалось еще версты двѣ съ половиной; мы рѣшили развести огонь и хотя выжать воду изъ одежды обоимъ промокшимъ... Переодѣвшись, заканчиваетъ свое сообщеніе о. Михаилъ, мы уже на рысяхъ по знакомой тропѣ добрались до дома Ильи“. (Дневн. Вѣлонова за 1900 г. стр. 70—75 отъ 26 Іюля).

О. Михаилу пришлось послѣ неудачи вернуться въ станъ. Но если миссіонеру иногда и приходится безъ особыхъ затрудненій добраться до мѣста проповѣди, то и здѣсь не рѣдко ждутъ его новыя испытанія. Желая указать, какъ въ отчетномъ году была принимаему слушателями евангельская проповѣдь и какія трудности приходилось испытать при этомъ проповѣднику, въ настоящемъ отчетѣ прежде всего остановимся на отношеніи язычниковъ къ миссіонеру.

Какъ иногда стараются язычники затруднить миссіонеру его поѣздку, объ этомъ было вскользь упомянуто выше. Здѣсь мы дорисуемъ картину, какъ по временамъ не легко бываетъ миссіонеру среди чужого иновѣрнаго населенія въ своемъ же станѣ. „Мѣстныя власти, говоритъ миссіонеръ Цаганъ-Усунскаго стана священникъ А. Солдатовъ, нимало не оказываютъ содѣйствія миссіонеру, а напротивъ узнавъ о пріѣздѣ миссіонера, стараются дать всѣмъ знать объ этомъ съ тою цѣлю, чтобы каждый домохозяинъ отлучился куда либо изъ дома, избѣгая бесѣды съ миссіонеромъ. Въ силу этого приходится заходить въ каждую юрту отдѣльно и, если это юрта казака, то миссіонеру

сразу же приходится встрѣтиться съ непріятностію, такъ какъ, еще не вступая въ разговоръ слышишь грубый вопросъ— „за чѣмъ пришелъ?“ а если заведешь рѣчь о вѣрѣ, то сейчасъ же просить не затрогивать этого вопроса, такъ какъ дескать у насъ есть свои ламы, которые и по своему положенію поставлены не ниже русскихъ священниковъ и что они не ѣздятъ къ вамъ, чтобы вмѣшиваться въ дѣла вѣры“. (Отч. А. Солдатова за 1900 г. стр. 1—2). Затѣмъ одинъ изъ наиболѣе рѣзкихъ случаевъ несочувственнаго отношенія къ проповѣднику и проповѣди со стороны народа мы можемъ привести здѣсь изъ дневника Ташеланскаго миссіонера свящ. о. Василя Тарбаева. „Май 31, на 1 іюня. Я поѣхалъ, писать о, Тарбаевъ, на собственныхъ лошадяхъ до улуса Уборъ-Корка. Улусъ этотъ очень большой и весь заселенъ буддистами... Я пріѣхалъ въ улусъ не рано и остановился у одного порядочнаго бурята; по моему пріѣздѣ изъ сосѣднихъ юртъ съ любопытствомъ собрались въ юрту взрослые и дѣти, были впрочемъ также и женщины. Хозяинъ юрты Санмѣевъ, съ удивленіемъ тутъ меня спросилъ, какъ далеко вы лама, (миссіонера зовутъ русскимъ ламой) одни ѣдете: теперь лошади весьма сухи, корму у бурятъ мало, сами едва сидимъ на подножномъ корму... Видно было, что Санмѣевъ намекалъ, чтобъ я уѣхалъ отъ него куда нибудь. Понявъ его мысль, я спросилъ, нѣтъ-ли тутъ православныхъ инородцевъ; на это Санмѣевъ мнѣ сказалъ, что раньше были, а сейчасъ ихъ мы выжили отсюда, потому что они крещеные и съ нами жить имъ неудобно. Когда я спросилъ—почему же неудобно,— „то онъ на это отвѣтилъ; они кляузнику говорятъ, доносятъ, если какой нибудь лама пріѣдетъ къ намъ на Корку; все это извѣстно и русскому поцу. А когда затѣмъ я спросилъ Санмѣева, нельзя ли у него остановиться на ночлегъ, онъ мнѣ прямо отказалъ, указывая на то, что юрта мали и что на ночь обыкновенно въ нее загоняютъ еще телятъ и барашковъ“. Я долженъ былъ отправиться въ другой улусъ; здѣсь попросился на ночлегъ, но мнѣ отвѣтили „уртай“, т. е. нельзя входить—маленькія дѣти хвораютъ. Становилось поздно, хотя лошадь моя бѣжала ужъ

значительно слабѣе все таки я поѣхалъ въ улусъ за 12 верстѣ; но тутъ сбился съ дороги, проилудалъ всю ночь по стени Кличенгинской и утромъ когда уже разсвѣло, пообогрѣлся въ одной юртѣ Данжипова и то не ранѣе, какъ послѣ разсказа о ночныхъ скитаніяхъ“ (Дн. Тарбаева за 1900 г. стр. 15—17.). Разумѣется, не вездѣ такъ относятся къ миссіонеру, но и того достаточно, что въ дневникахъ подобные факты передаются совершенно спокойнымъ языкомъ, какъ не выходящіе изъ ряда вонъ. Такихъ же фактовъ, когда проповѣдника не слушаютъ, уходятъ изъ юрты при самомъ началѣ разговора на религіозную тему, когда говорятъ „Богъ одинъ да вѣра разна“, и когда подъ тѣми или другими предлогами отказываются креститься—мы могли бы привести изъ миссіонерскихъ отчетовъ и дневниковъ очень много, но въ подробномъ перечисленіи этихъ фактовъ нѣтъ большей надобности.

Если теперь мы будемъ отыскивать причину несочувствія къ проповѣдникамъ, причину отказовъ креститься, то окажется, что виновные тутъ не проповѣдники миссіонеры, какъ будто навязываюіе инородцамъ свою религію, а ламы, которые, при своей многочисленности, оказываютъ очень большое противодѣйствіе миссіонерскому дѣлу. Если представить себя въ положеніи ламъ, то ихъ энергія въ противодѣйствіи будетъ вполне понятна: ламы вынуждены стоять на своемъ изъ за куска хлѣба, бороться за свое пропитаніе и привилегированное положеніе въ народѣ. Пользуясь уваженіемъ язычниковъ ламы и дѣйствуютъ прежде всего на женщинъ, какъ элементъ болѣе косный и, пользуясь положеніемъ женщины въ семье, настраиваютъ бурятъ противъ миссіонеровъ. Такъ миссіонеръ Улюнскаго стана о. Клюкинъ въ своемъ отчетѣ за 1900 г. пишетъ между прочимъ; „ламство видитъ въ проповѣди слова Божія гоненіе на ихъ (ламъ), а въ лицѣ миссіонера—гонителя и врага, который желаетъ поколебать основаніе насущнаго пропитанія въ ихъ жизни и ко всему этому ламы—здѣшніе уроженцы, имѣютъ близкихъ родственниковъ въ этомъ населеніи, и въ родствѣ съ родоначальниками“ . Точно также говоритъ объ этомъ и о. В. Сту-

ковъ, миссіонеръ Тунгуйскаго стана (отч. за 1900 г. стр. 3).
Говорить въ своемъ отчетѣ миссіонеръ Цакирскаго ст. священ.
о. В. Лахинъ. Въ семейной жизни буряты достойно внима-
нія положеніе женщинъ и ихъ громадное вліяніе на мужчинъ.
Главною причиною этого служить то, что браки у буряты за-
ключаются по степнымъ законамъ и расторженіе ихъ не сопря-
жено съ какими либо трудностями. Правда, за невѣсту у буряты
платятъ калымъ, но онъ уже утративъ теперь свое прежнее
значеніе и не служитъ обузою для женщинъ. Проживетъ, напр.
женщина съ бурятомъ три—четыре, много пять лѣтъ, и вдругъ
ей мужъ не понравится; тогда она прямо говоритъ ему—, «вотъ
я жила у тебя столько-то лѣтъ, во все это время работала те-
бѣ, вела хозяйство и этими трудами калымъ, какой ты за меня
заплатилъ. я отработала. Съ этими словами она уходитъ отъ
мужа и онъ никакимъ законнымъ порядкомъ не можетъ вернуть
ее къ себѣ. Пользуясь такою свободою, женщины бурятскія
часто бросаютъ своихъ мужей; по этому мужья, боясь ухода
женъ, исполняютъ всѣ ихъ прихоти. Такое положеніе женщинъ
у буряты хорошо понимаютъ ихъ ламы и потому относятся къ
женщинамъ съ большою вѣжливостію и вниманіемъ. А тѣ въ
свою очередь платятъ имъ привязанностію, являются ярыми за-
щитницами ламъ и главными ненавистницами миссіонеровъ“.
(Отч. о. В. Лахина за 1900 г. стр. 2).

Редакторъ, преподаватель епархіальнаго женскаго училища, священникъ
М. Колобовъ.

Печатать разрѣшается. Цензоръ, Законоучитель Читинской мужской гимна-
зіи, священникъ *Н. Тяжеловъ.*

Чита, Мая 15 дня 1901 г. Типографія Бергутъ.